

Vikki Hansen

Ключ

Черновик

Vikki Hansen

Ключ. Черновик

«Издательские решения»

Hansen V.

Ключ. Черновик / V. Hansen — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934529-5

Утро субботы. На Кристен-Роат в заброшенном доме найден труп девушки. Детектив Феникс Водеберг три года не занимался расследованиями, но теперь он снова в строю. Никто из окружения не подозревает, что мужчину мучают кошмары о таинственном Лабиринте, в котором его преследует некий Силуэт...

ISBN 978-5-44-934529-5

© Hansen V.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ключ Черновик

Vikki Hansen

– *Черновик*

© Vikki Hansen, 2018

ISBN 978-5-4493-4529-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

запись от 19 Октября. Фрагменты утеряны.

- ... Что такое «Лабиринт», Господин Водеберг?
- Я закрываю глаза и оказываюсь в нём. Брожу среди кустарников, чтобы найти выход, но кажется, единственный способ завершить этот сон – позволить Ему меня догнать.
- Кто за Вами гонится? Феникс, кто гонится за Вами в «Лабиринте»?
- Кровавый Силуэт.
- Что он собой представляет?
- Убийца. Психопат. Некая сущность. Когда он появляется на моём пути, я точно знаю: зажётся луч прожектора, и мне не уйти, рано или поздно. Я бегу изо всех сил, бегу мимо кустарников и оказываюсь у железной дороги.
- Что может произойти, если Силуэт Вас догонит? Феникс?
- Я не должен существовать.
- Почему?
- Я знаю Правду, и если расскажу её людям, они потеряют смысл существования.

Глава 1

Запахи ударяют Фениксу в нос, как только он просыпается. Вчерашний кофе в кружке. Последождевой сладкий воздух. Грязное бельё в корзине как доказательство существования окружающего мира, как бы глупо это ни звучало. Когда не осознаёшь, что реально, а что грёзно, цепляешься за любые мелочи и звуки. Каждый из них обладает своей неповторимой природой, своим чувством, и если правильно к нему подобраться, можно услышать больше, чем просто стук.

Взглянув в окно, Феникс убедился, что было ровно 9:30 до полудня: старик Уль Шпитцер выгуливает собаку. Он часто останавливается и, запрокинув голову, смотрит, «где же заканчиваются проклятые деревья».

На подушке снова осталось пятно крови. Феникс потёр губу.

К боли привыкаешь, ведь это лучше стирки грязного белья, чем занималась Роза. Владелица дома, Розмари Кохан уделяла внимание Фениксу как родному сыну, которого у женщины никогда не было. Это она внушила себе, стоя перед зеркалом и держа скомканное письмо.

Сидя в своём уголке на первом этаже, женщина слышала шаги Водеберга, и уже через пару минут после его пробуждения она стояла за дверью его комнаты.

– Господин Водеберг! Завтрак готов!

Телефон, лежащий на полке у кровати, упал на пол, издавая звуки назойливой пчелы, залетевшей в комнату. Её Феникс слышал во сне, но никак не мог понять, откуда исходит жужжание.

Наконец приняв вызов, Феникс пожалел об этом, потому что голос, знакомый до боли, ударил в перепонку с прежней силой и настойчивостью. Точно так же он трезвонил три года назад, когда они были напарниками... Неглупая затея, поставить «парочкой» двух совершенно разных людей, у которых ещё есть чему учиться. Одному- молчать, другому – слушать.

– Водеберг! – болтал Бёрнс.– Жду тебя, немедленно.

– Адрес?

– В окно смотришь?

По ту сторону улицы у перекрёстка человек в красном свитере махнул Фениксу рукой. Большая усатая мишень.

Водеберг искренне улыбнулся :

– Ещё не выбросил эту тряпку?

– Давай, быстрее. Ждём.

На улице оказалось довольно прохладно, и Феникс застегнул куртку. Холодный воздух обжигал ноздри. Было что-то таинственное в безлюдном свежем утре, когда гул самого центра Блекфилда ещё не успел достигнуть этих окрестностей.

Шпитцер возвращался домой.

– Здравствуй, Феникс. – ослабляя поводок, Уль сделал попытку улыбнуться, но его впавшие щёки осилили только насмешку. – Помни: Он всегда начеку.

– Конечно, Господин Шпитцер, я помню.

У дома на Кристен Роат стояли машина и велосипед. Сама семья Ларс покинула город три месяца назад, но почтальон до сих пор кладёт в почтовый ящик свежие номера BlackfieldCheats.

Пару лет назад Феникс был в этом доме. Ларс приглашал его на семейный ужин, и вообще очень ценил общение с этим человеком. «Как давно это было, и как недавно...» Такие, как Феникс часто смотрят в окна домов, наблюдая за тем, как счастливо живут семьи и радуясь их счастью как компенсации своего одиночества, которое сами избрали. За этой семьёй наблюдать было ещё более приятно. Так проходишь каждый вечер мимо их гнезда и замечаешь новые

шторы, за которыми – накрытый стол и довольная женская улыбка. Но свет гаснет, и наблюдать больше не за кем. Одно за другим, чернеют окна других домов, и душу настигает ещё большее отчаяние. Остаётся лишь в зеркало смотреть, а там – картина уже известная, никакого развития.

От Бёрнса Феникс получил крепкий удар по плечу и пару слов.

– Она в гостиной.

Хлестнул дождь, и потоком воздуха растормошило полосатую штору. Фридрих установил два прожектора, включив которые, расслоился прямо на стенах комнаты. Движения его вдруг замедлились, движения Бёрнса – аналогично. Аромат его парфюма застыл в воздухе, и Феникс обошёл это душное облако.

Он приблизился к девушке за столом. Ком подступал к горлу, тяжёлый и острый, и на лбу проступили капли пота, смазав который, Феникс глубоко вдохнул, чтобы не потерять сознание. Её губы были накрашены ярко-ярко, и на фоне ядерного красного проступали капли запекшейся крови, бордовые.

Голос Эрика прорезал вакуум, и Феникс очнулся.

– Отсюда будто не съезжали...

Облако парфюма легло на голову Водеберга, и ему пришлось отступить назад, чтобы этот багаж не снёс его с ног.

Нитхель делал снимки и входил в кураж всё больше, за что Бёрнс его терпеть не мог, потому что считал: лучшая работа – «адово пекло». Сам удовольствие Эрик получал десятки лет назад, занимаясь бумажной пресниной. Но десятки есть десятки. Сейчас Барнс вздыхал от малейшей перемены в жизни, сетуя на то, что всякое лучше деградации.

– Кровавые губы... – Бёрнс по одному его взгляду понял: сейчас этот парень разгонится и выдаст мысль, которая разом ответит на первый вопрос. С какой целью? Но Феникс притих.

Выйдя на веранду, мужчина присел у стены. Бёрнс заметил отсутствие конверта на столе, перед жертвой. Он лежал там вместе с губной помадой.

– Водеберг, ты прекрасно знаешь: ни к чему не прикасаться.

Уличные мальчишки гнали мяч под одно из деревьев, где было сухо. Глядя на велосипед Нитхеля и его старую раму, Феникс наконец выдохнул. Кажется, он сдерживал воздух в лёгких всё это время, пока не оставил леди в чёрном позади.

– Никак не сменишь? – губа Эрика дрожала то ли от смеха, то ли от холода. Мужчина посмотрел на старые изношенные кроссовки напарника.

Тот затушил сигарету :

– У всех свои тряпки.

В любви к этим местам и этому хламу нет счастья, есть только боль, боль от осознания того, что однажды всё потеряет смысл. Тогда Он с лёгкостью откажется от прошлого, как решил однажды. Не останется ничего, кроме маленького человека и одной жирной пули.

– Что в конверте?

На плечи красного свитера легло пальто. Между двух скрещенных пальцев Эрик увидел орызок ключа.

– Верни Осфальду.

– Верну, когда соберу целый ключ.

– А как же отпечатки? – крик Эрика оглушил Феникса, когда тот закидывал ногу через велосипедную раму.

– Он не настолько глуп, чтобы оставлять свои отпечатки. Вдохни свежий воздух, Эрик. Вдохни.

Глава 2

Путь к «Лечебному дому» был недолгим: 20 минут на автобусе до ЦентреТаун, ещё 20 на метро до Холден Гардн и 15 минут ходьбы, к улице Освальда.

В ЦентреТаун Феникс остановился у таксофона и, достав из кармана скомканный в порыве клочок, развернув его как следует, набрал номер, но ответа не получил. Минуты ожидания ничем не оправдались. Феникс не надеялся дозвониться второй раз, но на всякий случай сделал вызов ещё раз. Бесполезно.

В «Лечебном доме Освальда Кравица» государство содержало пожилых людей, которые не справились с правдой жизни, баластом упавшей на их плечи. В этом океане с баластом ты – труп, и, кроме как себе самому, никому не нужен. Сложилось так, что в семье Водеберг женщин, страдающих психическим расстройством, стало две. Саманта Хаббл не была родной по крови, зато душой накрепко склеилась со страшим братом. Эль Водеберг любила «пчёлку Сэмми» и целовала чаще, чем собственного сына. Она мечтала о дочери, как мечтала умереть не потеряв рассудок. Сама мысль о смерти матери отчего-то чаще стала посещать Феникса, и он боялся сам себя загнать в угол, стать тем, кто проклял Фамилию.

В «доме» пахло свежей выпечкой. Старики играли в шашки и карты. В «час игр» ставили музыку, кажется, совершенно сумбурно, не думая о пристрастиях пациентов. Эль сидела спокойно, глядя в окно. Смотритель сказал, что Фрау Водеберг ждёт почтальона. Вот его работа как смотрителя, за гроши в тёплом холе ходить от старика и спрашивать, кто и кого ждет этой осенью, и что недавно произошло в ближайшей Галактике. Только сумасшедшим подвластна эта способность безграничного мышления, уносящего их далеко за пределы тех стен, что мы строим изо дня в день.

– Мама, я пришёл.

Феникс повторял это каждый раз при встрече с матерью, надеясь, что в ее голове загорится лампочка, и женщина вспомнит, как нежно целовала голову сына, когда он возвращался из школы домой.

Мать молчала, продолжая смотреть на пешеходный переход, по которому должен пройти почтальон, несущий неизвестное письмо. Письмо об отречении её любимым мальчиком, родной кровью.

– Я хотел принести Фрау Водеберг конверт, но это сравнимо с издевательством. – смотритель мялся, будто тот самый клочок бумаги в кармане Феникса.

Он с открытым равнодушием поблагодарил мужчину и жестом указал ему на стойку, где смотритель проводил половину рабочего дня, перебирая никому не нужные бумаги. Сколько можно лгать себе самому? С какой целью?

Наконец Феникс остался наедине с матерью и смог посмотреть ей в глаза. Он присел у её сухих колен, чтобы поблагодарить её за подаренную жизнь и попросить прощения. Когда Эль улыбнулась, глядя на незнакомца, Феникс осторожно взял обе её руки и нежно поцеловал.

Губы Эль порвались:

– Только за Март? А где же апрельские?

Феникс поверить не мог, что находится здесь. Каждый его визит для него самого был сравним с очередным снимком полароида, который люди вклеивают в свою коллекцию воспоминаний. Просматривая их, видишь цепь событий, но себя не узнаешь. Ты не тот, кем был снимок назад, и уже никогда не будешь. Ощущения пустоты и неверия в реальность – худшие из существующих. Именно они наполняли сердце Феникса, когда он входил в этот холл с шерстяным ковром, прозрачными шторами, старой мебелью и ящиком с чёрно-белым кино. Будто ничего не меняется в пределах этого здания. За ним-та же картина. Люди упорно не замечают

«Лечебницы», вбивая себе в головы по утрам после яичницы, что всё в мире происходит нужным образом.

Феникс знал: если он сейчас встанет и уйдёт, связь с матерью будет потеряна. Рухнет эта стена, и не останется того, что так для него имеет значение. Он останется один на равнине, без крыши над головой. Исчезнет пункт «Мама» из списка ежедневных дел, и ни одна слеза больше не упадёт на щеку. Мать больше, чем просто черта. И нужно сказать ей то, что вертится в голове который день, нужно прижаться к ней сильнее, но звенит проклятый звонок, прерывая молчание двух. В «доме Освальда Кравица» – время ланча. Пациенты сразу собираются в кучу и движутся к блоку К. Прощание с матерью – самая опасная штука, обманка. Ложная надежда в итоге приводит к разочарованию, чего Феникс уже не боялся. Он знает все, знает последнюю и первую мелочи, и глупо самому себе внушать мысль о благополучии завтрашнего дня. Пора открыть глаза.

Взглянув на мать издали, Феникс махнул смотрителю.

– Вас проводить, Господин Водеберг?

В метро чудак кричал: «Информационное переедание! Вы едите собственные ф***лии!» То же красным по черному было написано на таблице в его трясущихся руках, что вызвало у Феникса смех и отвращение: тот, кто не способен скрыть собственный страх, не достоин говорить правду. В этих пальцах, бьющих по картону, читается ложь, неуверенность в собственном слове. Кто-то, конечно, согласится с написанным, но только потому, что сочтет это безумством, не раз увиденным в жизни. Говорить правду нужно так, будто терять совершенно нечего, и даже ничего – давно потеряно. Говорить правду нужно резко, а иначе какой в ней смысл, если не резать на куски?

В груди Феникса что-то жалось, душила, упираясь в ребро. Может, мысль о матери и ее состоянии не хочет отпускать? Феникс крепко посмеялся, когда вспомнил, как утром оставил в кармане книгу, обещанную сестре.

Глава 3

– *Снова Скотт Джонсон?*

– *Бах – после шести, сэр.*

Стандартная схема: Майк танцует с Дени, Дени – с Ишемом. Пока эти трое пляшут, шахматисты смеются конём. Только начнётся раздача «зубочистки», троица разойдётся, но сразу после приёма лекарств намечается программа немого кино. Зрители усаживаются по кругу, в центре которого – бродяжка и толстяк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.